«...Созданы невыносимые условия для жизни рабочих»

(Условия труда и быта промышленных рабочих в военный период)

Несмотря на обширную историографию Великой Отечественной войны, до сих пор не все вопросы этого времени освещены достаточно полно и основательно. Одной из проблем была и остается проблема условий труда и быта работающих в тылу. И не потому, что эти сюжеты не имеют документального объяснения. В архивах страны и республики сохранились документы, повествующие о трагических случаях на производстве, высоком уровне общих и специфических заболеваний и травм, игнорировании правил техники безопасности, производственной санитарии и т. д. Довлела политическая конъюнктура, ориентация на показ беспримерного трудового героизма. Но у него была и другая сторона.

Публикуемые подборки источников составили документы фонда ВЦСПС Государственного архива Российской Федерации и документы местных архивов. Читатель имеет возможность самостоятельно осмыслить содержащуюся в них информацию, которая иногда способна повергнуть в состояние шока. Но такова была жестокая правда тыла в годы войны. Мы обратим внимание лишь на ряд обстоятельств.

В результате трудовых мобилизаций, привлечения эвакуированного населения качественный состав рабочих резко изменился. Выборочное обследование, проведенное на ряде заводов страны, показало, что около 75 % вновь пришедших не имели никакого опыта работы на производстве[1].

Выходом из создавшейся ситуации должна была стать организация массового обучения новых рабочих необходимым специальностям. Однако в силу необходимости обучение было краткосрочным. На вопросы охраны труда, техники безопасности просто не оставалось времени. Никто не занимался ими и на предприятиях. Как свидетельствуют документы, инструктирование рабочих кадров по технике безопасности на большинстве фабрик и заводов в военный период было вообще прекращено, что приводило в итоге к увеличению количества несчастных случаев и травм на производстве. Например, на Казанском меховом комбинате только за 1942 г. произошло 95 несчастных случаев с рабочими, вызвавших продолжительную утрату трудоспособности. На заводе № 22 авиационной промышленности СССР в 1942 г. был зафиксирован 621 несчастный случай на производстве, в 1943 г. — 577[3].

В некоторых отраслях народного хозяйства республики положение было еще более серьезным, чем в целом по стране. По данным ЦК профсоюза льняной промышленности на Казанском льнокомбинате в 1943 г. коэффициент частоты (т. е. количество несчастных случаев, приходящихся в среднем на 1 000 работающих) составлял 25,8, коэффициент тяжести — 21, в то время как средние показатели по отрасли равнялись 19,0 и 18,3[4] соответственно.

Эмоциональную выразительность и убедительность «сухим» архивным

документам придают мемуары людей, работников военной поры. Так, Надежда Кузнецова из Лаишевского района, рассказывая о годах своей юности, связанных с работой на эвакуированном предприятии, вспоминала, как «одной девушке (работавшей вместе с ней на прессах. — *А. К.*) оторвало три пальца на правой руке»[5].

К производственному травматизму приводил комплекс причин. В отчете по охране труда и технике безопасности завода № 22 им. С. П. Горбунова за 1944-1945 гг. таких причин названо пять, на первом месте по частоте случаев стоит неисправное состояние оборудования (37 % случаев).

По данным ВЦСПС наибольший процент смертельных несчастных случаев в народном хозяйстве страны в военный период (1 069 случаев из 7 066 в 1944 г.) приходился на железнодорожный транспорт, где на подсобных и ремонтных работах были заняты тысячи женщин. Только за июнь — декабрь 1941 г. на Казанскую железную дорогу пришло работать более 1 701 женщины.

Изучение архивных источников показывает, что в условиях жесткой административно-командной системы партийные организации предприятий и учреждений стремились уменьшить количество несчастных случаев, переложить вину на пострадавшего. Акты расследования несчастных случаев на производстве составлялись не своевременно и небрежно. Из описания травмы нельзя было сделать вывод об обстоятельствах и причинах случившегося, нередко случаи производственного травматизма пытались отнести к разряду бытовых. Ряд актов не содержит мероприятий по устранению причин несчастных случаев или же намечаемые мероприятия носят непродуманный характер. Иногда, в особо тяжелых случаях, акты расследования вообще не составлялись.

Наконец, следует остановиться еще на одном аспекте данной темы. В привлеченных нами материалах архивов имеется множество документов, показывающих наметившийся в военный период рост числа общих и профессиональных заболеваний. Так, в отчете Совета социального страхования завода № 22 им. С. П. Горбунова сообщалось: «В 1942 г. мы имели чрезвычайно высокую заболеваемость на заводе. Среднемесячный показатель заболеваемости на 100 застрахованных составлял 22 дня. Иными словами, каждый рабочий завода болел более одного дня в месяц». За этот период времени было зарегистрировано 7 716 случаев заболевания гриппом, 636 — ангиной, 157 — женскими болезнями, в итоге чего было потеряно 374 057 рабочих дней[8].

На заводе № 40 им. Ленина за восемь месяцев 1944 г. было зарегистрировано несколько случаев профессионального отравления. В марте месяце произошло массовое отравление аммиаком[9].

Росла заболеваемость туберкулезом и органов дыхания на предприятиях черной металлургии. По данным завода «Серп и молот» количество таких заболеваний увеличилось с 55 в 1942 г. до 104 в 1945 г., что привело к резкому росту потерь «трудоспособных дней»[10].

Причинами таких высоких показателей заболеваемости были ухудшение условий труда на предприятиях, удлинение рабочего дня, отсутствие полноценного медицинского лечения в первый период Великой Отечественной войны, антисанитарное состояние промышленных предприятий, тяжелые бытовые и жилищные условия.

Протокольные строчки из отчета о жилищно-бытовых условиях рабочих завода № 16 свидетельствуют: «Общежития совершенно перестали быть похожими на места, где проживают рабочие. В большинстве комнат нет окон, постельные принадлежности грязные, засаленные, личная гигиена рабочих отсутствует, многие из них месяцами не ходят в баню»[11]. Администрация предприятий зачастую не выдавала в достаточном количестве спецодежду и спецобувь, предусмотренные требованиями производственной санитарии и техники безопасности[12]. Так, на Бондюжском химическом заводе обеспеченность суконной спецодеждой составляла лишь 80 %, совершенно отсутствовала резиновая и кожаная обувь, вместо которой выдавались лыковые лапти[13].

Благодаря принятым мерам, в 1943 г. ситуацию с заболеваемостью удалось несколько стабилизировать. В последующие годы было отмече-

но даже снижение числа заболеваний и травм. В 1943 г. количество дней по временной нетрудоспособности составило 777,9, в 1944 г. — 740,7. К концу войны эти показатели в абсолютных цифрах равнялись показателям 1940 г. — 640,2[14].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кузьминов Н. Подбор и подготовка новых кадров в условиях войны // Большевик. – 1942. – № 16. – С. 31.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5451, оп. 27, д. 11, л. 127.
3. Там же, оп. 31, д. 155, л. 23.
4. Там же, оп. 27, д. 11, л. 94-95.
5. Комсомолец Татарии. – 1990. – 6 мая.
6. ГА РФ, ф. 5451, оп. 27, д. 98, л. 47.
7. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 276, л. 145.
8. ГА РФ, ф. 5451, оп. 31, д. 155, л. 21, 23.
9. Там же, оп. 29, д. 137, л. 254, 258.
10. Там же, оп. 27, д. 99, л. 92.
11. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 407, л. 67.
12. ГА РФ, ф. 5451, оп. 27, д. 11, л. 15.
13. Там же, д. 12, л. 35.
14. Там же, оп. 29, д. 173, л. 33.

№ 1. Из отчета Совета социального страхования завода № 22 им. С. П. Горбунова о заболеваемости и травматизме рабочих на предприятии

Не позднее июля 1945 г.*

В 1942 г. мы имели чрезвычайно высокую заболеваемость на заводе сыпным тифом, туберкулезом и другими болезнями. Среднемесячный показатель заболеваемости на 100 застрахованных составлял 100,22 дня. Иными словами, у нас каждый рабочий завода болел более 1 дня в месяц.

Причиной такой высокой заболеваемости явились тяжелые бытовые условия в момент эвакуации завода в 1941 г., особо молодых рабочих, которые длительное время были не расселены и жили в цехах завода; антисанитарное состояние завода, отсутствие медицинского лечения (из-за отсутствия поликлиники), отсутствие страхового актива завода. […]**

Таблица заболеваемости и травматизма по заводу за 1942-1944 гг.

Назв[ание] болезни	1942 г.		1943 г.		1944 г.	
	случаи	дни	случаи	дни	случаи	дни
Грипп	7 716	45 769	7 992	37 895	7 294	30 894
Ангина	636	4 595	575	3 764	375	2 305
Произв[одственные] травмы	621	8 533	577	7 972	386	4 769
Бытов[ые] травмы	2 173	34 127	947	13 947	650	9 511
Женские болезни	157	2 090	145	1 363	118	1 756
Произв[одственные] травмы до 3-х дней	3	6	15	30	13	28
	33 011	347 057	25 371	242 212	20 482	187 358

Классификация причин травматизма за отчетный период выражается в следующем:

1. Отсутствие ограждений и предохраняющих устройств — 11,6 %,
2. Неисправное состояние оборудования — 37 % случаев,
3. Неисправное состояние ручного инструмента, приспособлений или их отсутствие — 7,2 %,
4. Загроможденность проходов и других подсобных площадей — 4,6 %,
5. Отсутствие или неисправность защитных приспособлений, спецодежды, спецобуви — 9,2 %,

* Установлено по содержанию текста документа (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

** Часть текста опущена ввиду ее малой информативности.

6. Применение рабочим неправильных приемов — 2,3 %,
7. Отсутствие инструктажа со стороны администрации — 7 %,
8. Невыполнение правил безопасности со стороны администрации — 0,06 %,
9. Нарушение технологии — 3,2 %,
10. Прочие причины — 30,15 %.

ГА РФ, ф. 5451, оп. 31, д. 155, л. 21-28.

№ 2. Из воспоминаний Н. В. Кузнецовой о военном времени «Меня беда миновала…»

6 мая 1990 г.

Мои подруги были старше, они ушли в армию. Я подтерла метрическую выписку и поставила года старше, но в военкомате сидели умные люди, они заметили и дали направление в ремесленное училище. Было мне тогда 14,5 лет. Я проходила в училище только месяц и увидела, как мальчишки стали издеваться над девчонками. Отнимали пайку хлеба, издевались вплоть до изнасилования.

Я потом в госпитале через дорогу за ранеными ухаживала. А потом пришел брат, увидел меня и говорит: «Давай я тебя на завод устрою…».

Токарем я проработала 1,5 года, сильно ослабла, не могла затянуть деталь. Меня перевели на токарный станок поменьше. Работали на пару с мастером, не выходя с завода по неделе. Он отдохнет, потом я иду спать. Ничего не чувствовали, стирали нижнее белье эмульсией — это ведь щелочь.

В цеху было 7 участков, на каждом подростки. Родные нам приносили передачки через железные ворота, кому чего. Мы картошку в железную банку и варим «жуликом», т. е. кипятильником самодельным. Я потом догадалась, что для нарезки резьбы давали постное масло, стали макать картошку в масло. Начальство догадалось, подлили в масло керосин, ну а нам все равно — ели.

Мне стало еще хуже, и меня перевели в другой цех. Там привинчивала отверткой часовой механизм к взрывателю. Страшно, руки тряслись — а ну как отвертка сорвется с гнездышка — так взрыв. Но меня Бог миловал. [...]

Уже совсем обессилела, пешком ходить почти не могла. Мне мастер говорит: «Надя, у вас по соседству завод эвакуированный есть, иди туда». Я сходила, меня приняли, даже документов не спросили. Работала на прессах. Одной девушке, она жениха с фронта ждала, три пальца оторвало на правой руке. Меня беда миновала, мне только верхушку указательного оторвало.

Сноха узнала, что я работаю на другом заводе, и сообщила в отдел кадров. А я не знала, что за уход с военного завода судил военный трибунал. Мне пришла повестка, и мы с мамой пошли в суд. Дошла очередь до меня, я все честно рассказала, отдала характеристику, а мне говорят, что по закону положено посадить в тюрьму на 5 лет. Я как услышала «тюрьма», наверно, полуобмерла: все слышу, а лиц уже не различаю. Мама только ойкнула. Они говорят: «Беря во внимание условия твоей жизни, вместо пяти лет тюрьмы один год условно». Я ничего не поняла, думала — шесть. Потом немного отошла, они повторяют: «Идите домой». А мама никак со стула встать не может. [...]

Когда работала на военном заводе, нам запрещали выходить из цеха после пяти часов вечера. А однажды я вышла утром, когда смена в другие цеха еще не пришла. Во дворе была большая куча стружки металлической, и, когда ее стали грузить для вывозки с завода, в стружке было несколько трупов. То ли хоронить некому, то ли кто убивал — завод был большой по территории. Как это все страшно. [...]

Комсомолец Татарии. – 1990. – 6 мая.

№ 3. Из выступления работника завода № 22 Сизова на 2-ой общезаводской конференции о недостатке квалифицированной рабочей силы

8-9 июля 1942 г.

В основном нам неоткуда ждать квалифицированной рабочей силы. Согласно решению Г[осударственного] к[омитета] о[бороны] нам в порядке мобилизации должны были дать из местного населения 3 тыс[ячи] чел[овек], фактически мы получили 360 чел[овек]

и больше людей нет. 2,5 тыс[ячи] чел[овек] должны были принять из Краснодара, фактически приняли 800 чел[овек], причем главным образом прибыли женщины с детьми, народ неквалифицированный, о них нужно много заботиться — открывать детсады, ясли, а на сегодня мы этих условий не имеем. […]

ЦГА ИПД РТ, ф. 840, оп. 1, д. 251, л. 38.

№ 4. Справка о коммунально-бытовом обслуживании рабочих завода № 16 г. Казани из протокола № 222 заседания бюро Татарского обкома ВКП(б)

7 октября 1942 г.

За период военного времени на завод прибыло большое количество рабочих. Часть из них впервые встретились с заводской обстановкой.

В 1942 г. на завод прибыло 11 822 чел[овека] рабочих, из них 5 431 чел[овек] прибыли из школ ФЗО и ремесленных училищ. Такой состав рабочих должен был заставить руководство завода и парторганизацию серьезно заняться созданием необходимых для них коммунально-бытовых условий и организацией воспитательной работы, тем самым закрепить рабочих на предприятии и обеспечить равномерную работу завода.

Однако крайняя халатность и безответственность руководителей завода к созданию нормальных условий рабочим привела к тому, что в ряде общежитий созданы невыносимые условия для жизни рабочих. Эти общежития совершенно перестали быть похожими на места, где проживают рабочие советского предприятия. Общежитие № 14 по ул. Чернышевского, 2, где проживают молодые рабочие, прибывшие из школ ФЗО и ремесленных училищ, по существу, находится безнадзорным. Жуткая антисанитария. В большинстве комнат в окнах стекла выбиты, холодно. Имеющееся незначительное количество столов, тумбочек, табуретов — разбитые, изрезанные. Деревянный инвентарь начинают сжигать в печках. Электроосвещения в комнатах нет.

Постельным бельем рабочие не обеспечены. Значительное большинство подростков не имеют простыней, подушек и одеял, а часть из них не имеют даже матрацев, спят на голых топчанах, в то время как на складах этого общежития имеется: одеял — 622, простыней — 7 394, наволочек — 2 268, подушек — 823, матрацев — 519.

Имеющиеся постельные принадлежности — грязные, засаленные. Вид комнат мрачный, воздух тяжелый. Для примера можно описать комнату № 18 общежития № 14 (комендант Криворученко). В комнате двухярусные койки, на одной из них спят, обнявшись, два голых подростка, окутанные матрацами, окно с разбитыми стеклами заставлено столом. В противоположной стороне от спящих мальчиков угол загажен, превращен в уборную.

Личная гигиена рабочим совершенно не прививается, подростки неделями не умываются и месяцами не ходят в баню. Часть рабочих не имеют нательного белья, а те, кто имеют (по 1-й паре), не сменяют его со дня поступления на работу на завод. [...]*

При этих общежитиях имеется душевая, однако полностью обслужить рабочих она не может, т[ак] к[ак] работает всего по 4-5 часов в неделю, и то нерегулярно. Перебои в работе бывают из-за отсутствия воды, топлива. Кипяченая вода для питья бывает не ежедневно.

В таких же условиях живут взрослые рабочие в общежитии бывшей школы № 91 (3-й этаж в здании бывшего юридического института). Немного лучший вид имеют комнаты общежития в гостинице «Казань», там живут семейные рабочие, эвакуированные из разных городов. Рабочие в комнатах поддерживают чистоту, однако многие из них не имеют никаких удобств и не получают помощи от завода. [...]**

Зав[едующий] сектором кадров промышленности обкома ВКП(б) Процак.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 407, л. 67-68.

Айсылу Кабирова,
кандидат исторических наук

* Опущена часть текста с фамилиями жильцов.
** Опущена часть текста с аналогичными примерами.